

УДК 81
ББК 74.261.3

М. Шоджаи

**ХАРАКТЕРИСТИКА
ТИПИЧНЫХ ОШИБОК
В РЕЧИ ИРАНСКИХ
СТУДЕНТОВ,
ИЗУЧАЮЩИХ РУССКИЙ
ЯЗЫК, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО
НЕСООТВЕТСТВИЯ
(К ПОСТАНОВКЕ
ВОПРОСА)**

На основе собранных автором ошибок в речи иранских студентов, изучающих русский язык, показываются межкультурные несоответствия, вызывающие подобные ошибки. При этом упор делается на то, что вопреки правильности с точки зрения грамматики выражений, содержащих ошибки, они являются либо «ненормативными», либо «неуместными». Указывая на «ненормативность» и «неуместность» ошибочных выражений, автор применяет также критерий «дистрибуции» (частотности). В заключении делается вывод, что игнорирование лингвокультурологических аспектов при обучении иранских студентов русскому языку может привести к устойчивости ошибок подобного рода.

Ключевые слова: лингвокультурологические ошибки, культура в обучении русскому языку, русский язык как иностранный, обучение русскому языку в Иране, персидский язык.

DOI 10.18522/1995-0640-2020-1-167-181

Шоджаи, Мохсен – канд. пед. наук, старший преподаватель кафедры русского языка факультета иностранных языков Исламского университета «Азад» (северотегеранское отделение), Иран
Тел.: 0098-912-348-59-08
E-mail: m_shojaee@iau-tnb.ac.ir

© Шоджаи М., 2020.

1. Введение

В последние десятилетия прошлого века в лингвистике и методике обучения иностранным языкам произошли большие изменения. В частности, перемещение акцента с формы на функцию, которое «немедленно стало нормой для авторов учебников» [Trim, 2007, p. 20]. Учёт социокультурных аспектов языка и взгляд на язык не как на совокупность слов и правил, а прежде и больше всего как на главное орудие взаимодействия людей в различных жизненных ситуациях позволили методистам использовать изучаемый язык с самого начала обучения в качестве средства общения. Несомненно, социокультурный взгляд на язык открыл двери коммуникативному обучению. О важности социокультурного взгляда на язык, его месте в начале нового тысячелетия и роли русских мыслителей в этом отношении ведущий американский методист Х.Д. Браун пишет: «Героем социального конструктивизма является Выготский, выдвинувший на первый план концепцию о том, что “мышление и создание значений [meaning-making] в детях является процессом, социально конструированным и выявляющим из социальных взаимодействий с окружающей их средой”» [Brown, 2007, p. 13]. И далее: «Очень близкую к социальному конструктивизму Выготского позицию занимает Михаил Бахтин, русский литературовед, который сейчас привлек внимание исследователей в области усвоения второго языка (SLA) и методистов-практиков. Бахтин считал, что язык погружен в социальную

и культурную почву, и главная его функция – служить средством коммуникации. В таком духе первые годы нового тысячелетия свидетельствовали о возрастающем значении социокультурных аспектов усвоения второго языка» [Там же, с. 14] (Об этом посмотрите также историю создания нового факультета в МГУ им. М.В. Ломоносова – факультет иностранных языков, открывший новую специальность – «неофилологию» [Тер-Минасова, 2008, с. 26]).

Культуру, относительно обучения иностранным языкам, мы рассматриваем в социоантропологическом смысле слова, охватывающем целый ряд ценностей, убеждений и практик одного сообщества. Иными словами, здесь под культурой имеются в виду те общие правила и нормы, определяющие поведение людей в повседневном языковом взаимодействии. Сюда включаются и особенности бытовой, ежедневной жизни страны изучаемого языка. Данное понимание слова можно отчасти связать с понятием «языковой картины мира», согласно которому универсальные понятия, такие как пространство и передвижение по нему, расстояние, время и его срезы и т.п., по-разному отражаются в разных языках. Очевидно, что при обучении иностранным языкам недооценка подобных различий приводит лишь к появлению, а иногда и устойчивости, в речи учащихся таких ошибок, которые не только дают сигнал о неадекватном уровне владения языком, но и, что намного важнее, часто мешают коммуникации между говорящим и его собеседником.

Приведённые ниже примеры ошибок в речи иранских студентов, изучающих русский язык, показывают, насколько важен учёт лингвокультурологических различий в обучении иностранным языкам, и в данном случае, обучении русскому языку иранских студентов.

Примеры ошибок, приводимые в данной статье, по большей части собраны автором, хотя некоторые из них и были замечены другими иранскими преподавателями русского языка.

Лингвокультурологический характер отобранных нами ошибок во многом усложняет их устранение даже на среднем, а иногда и на продвинутом, этапе обучения. Они нередко сохраняются у студентов и до окончания вуза. Это объясняется тем, что, как нами было показано ранее [Шоджаи, 2008, с. 12 – 58], при обучении русскому языку в вузах Ирана все усилия преподавателей нацелены, главным образом, на подачу структуры языка.

2. Русский и персидский языки: краткий обзор

Известно, что персидский язык, как и русский, принадлежит к индоевропейской семье языков. Однако персидский язык является аналитическим языком [Рубинчик, 2001, с. 5; Мошкало, 1990, с. 372], в то время как русский язык, как известно, – синтетическим. Именно отсюда вытекает множество расхождений русского языка с персидским в области морфологии, что вызывает большие трудности в изучении русского языка иранскими студентами. К этому можно добавить отсутствие вида глагола и категории рода в персидском языке, с одной стороны, и нали-

чие в нём довольно сложной системы глагольного спряжения, времён и залогов, с другой стороны.

3. Грамматичность, приемлемость, нормативность и уместность

Кроме расхождения в отношении системы языка, определяющей «грамматичность» речи, встречаются ещё не менее существенные отличия между данными языками в так называемой «приемлемости» грамматически правильных форм, которая указывает на «нормативность» речи, относящуюся, прежде всего, не «к системе языка, а к нормам, традициям и узусу словоупотребления» [Арутюнов, 1990, с. 147]. А нормы, традиции и узус словоупотребления определяются не грамматикой, а языковыми традициями. Это означает, что носитель языка именно так скажет по тому или иному поводу, так, а не иначе опишет ситуацию и выскажет своё отношение к ней, именно таким образом будет реагировать на речь собеседника.

Постараемся раскрыть понятие «нормативности» при помощи нижеследующего примера:

У говорящего есть квартира, которую он сдаёт: *Я сдаю свою квартиру*. В русском языке под этим предложением понимается такое состояние: *сейчас там живут арендаторы*. А в персидском языке для выражения того же факта обязательно нужно сказать: *Я сдал свою квартиру* (*Ман âpârtэмâнам râ эджâрэ дâдэам*). С точки зрения русской грамматики второе предложение абсолютно верное, но «ненормативное», т.е. русские при выражении подобного понятия обычно так не говорят.

Известный специалист в области анализа ошибок С. П. Кордер, помимо указанных понятий (грамматичность и приемлемость), выделяет ещё одно понятие, от которого отчасти зависит появление ошибок у изучающих иностранные языки, в том числе у иранских студентов, изучающих русский язык. Он пишет: «предложение должно быть не только приемлемым, но и подходящим, т.е. **уместным** и понятным в определённом контексте» [Corder, 1973, p. 272; выделено нами. – *Ш.М.*]. Приведя примеры, Кордер приходит к выводу, что «любое выявление ошибок неизбежно затрагивает *интерпретацию в контексте*» [Там же; выделено Кордером. – *Ш.М.*].

Таким образом, «грамматичность» (у А.Р. Арутюнова «правильность») речи определяется путём обращения к системе языка, т.е. «соблюдение требований изучаемой синтагматики и парадигматики» [Арутюнов, 1990, с. 147], «нормативность» мы раскрываем не по отношению к системе языка, а по отношению «к нормам, традициям и узусу словоупотребления» [Там же]. Третье же понятие, которое можно назвать «уместностью» речи, высказывания, тесно связано с речевым общением, глубоко проработанным в работах таких авторов, как Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров [1990; 1999], Ю.Е. Прохоров [1997 (2008)] и А.Д. Шмелев [2002]. Есть ещё одно понятие, которое можно отнести и к «уместности». Это «дистрибуция» – термин, введённый в науку американским специалистом по прикладной лингвистике Р. Ладо, что может быть переведено на русский язык как *сочетаемость*, особенно-

сти окружения данного слова или формы. В самом начале своей книги Р. Ладло пишет: «Люди склоны переносить формы и значения, и вместе с ними дистрибуцию форм и значений своего родного языка и культуры на иностранный язык и культуру – как в продуктивном плане... так и в рецептивном» [Lado, 1957, p. 2]. Далее дистрибуция раскрывается следующим образом: «Мы уже отметили... что грамматические структуры языка имеют форму и значение. <...> А сейчас очень важно добавить, что любая структура имеет и дистрибуцию, т.е. она появляется в определённых ситуациях или контекстах и не появляется в других ситуациях. Вопрос о дистрибуции поднимается потому что, перенося структуру родного языка, учащийся, вместе с формами и значениями, переносит также её дистрибуцию» [Lado, 1957, p. 58].

Подводя итоги, можем сказать, что упомянутые выше понятия (грамматичность, приемлемость, нормативность и уместность) могут быть нами применены в качестве критериев в анализе лингвокультурологических ошибок иранских студентов.

4. Приставки *по-/у-* и *при-*

В персидском языке понятия *там/туда* и *тут/сюда* в ряде случаев не совпадают с соответствующими понятиями в русском языке. То есть говорящий описывает перемещение в пространстве в категориях: приближение к говорящему или его собеседнику, удаление от говорящего или его собеседника, движение мимо говорящего или его собеседника, поэтому глаголы *âмадан* (приходить) и *âвардан* (приносить) указывают на перемещение (субъекта или объекта) к говорящему или его собеседнику. А глаголы *рафтан* (уходить) и *бордан* (уносить) указывают на перемещение (субъекта или объекта) от говорящего или его собеседника. В то время как, судя по примерам, в русском языке такого разделения не существует. Приводя примеры, постараемся осветить данное расхождение. Первые три примера были записаны в Москве, а остальные – на занятиях в Иране:

1) **Контекст:** говорящий рассказывает собеседнику о новом общежитии, где он должен будет жить, а собеседник живёт не в том общежитии, о котором идёт речь: *Когда я **приеду** в новое общежитие, я там буду...*

2) **Контекст:** разговор идёт в Москве. Говорящий рассказывает о своём намерении поехать в Казань. Собеседник не в Казани: *Когда я **приеду** в Казань, там тоже будет...*

3) **Контекст:** разговор об офисе, где никто из собеседников никогда не был: *в тот день я был вынужден **приехать** в офис.*

4) *Хочу ему сказать, чтобы он туда сегодня не **приходил**.*

5) *Он попросил меня завтра **прийти** к нему.*

6) (при рассказе о том, что произошло на работе) ***Пришла** на работу и вижу...*

7) *Я **пришла** в их дом... (говорящего в данный момент там нет)*

8) *Я уже **прислал** тебе ещё одно письмо.*

9) *Я купил красивые марки и **пришлю** их тебе в воскресенье.*

Во всех вышеприведённых примерах вместо выделенных глаголов в персидском языке обязательно используется глагол, соответствующий русскому **уехать** (*рафтан*), а не **приехать** (примеры 1–7), **послать** (*бэ а́нджа́ ферестáдан*), а не **прислать** (примеры 8–9). На занятиях по переводу почти во всех случаях встречается употребление (или тенденция к употреблению) глаголов с противоположной приставкой. При этом следует добавить, что глагол **прислать** вызывает наибольшее количество трудностей, ибо говорящему на персидском языке непонятно, почему нужно сказать **прислать**, если мы что-то **направляем** в далёкое от нас место.

Описанные выше ошибки можно сгруппировать как ошибки по «приемлемости», ибо в указанных примерах предложения с приставками *по-*, *у-* вместо приставки *при-* всё же остаются грамматически правильными. Они, конечно, в большинстве случаев вызывают у собеседника недоразумение. Что касается «уместности», то в вышеприведённых примерах не употреблены неуместные языковые единицы, частотность употреблённых слов и выражений также выглядит нормальной.

5. Категория времени

Как известно, в разных языках границы между сутками проводятся по-разному. Так, началом новых суток может считаться:

- 1) заход солнца (библейское и мусульманское представление);
- 2) наступление полуночи (официально-юридическое);
- 3) момент пробуждения человека после ночного сна (бытовое)

[Шмелев, 2002, с. 56].

Вышеприведённая классификация выглядит вполне логичной. Однако при обучении иностранному языку проблема кроется в необходимости точного определения того, какой из показанных выше критериев у носителей изучаемого языка считается главным. Так, в русском языке можно сказать:

Сегодня я очень плохо спал.

Сегодня он не здесь спал.

Ты заметил, какой сильный дождь шёл сегодня ночью?

Слово *сегодня* (*сегодня ночью*) в подобных предложениях в русском языке означает часть суток приблизительно между 12.00 ночи и 7.00, 8.00 утра **сегодняшнего** календарного дня (конец данного отрезка времени различается в зависимости от времени года). В то время как в персидском языке данная часть суток (а именно, до рассвета) относится ко **вчерашнему** дню. Соответственно, для обозначения упомянутого отрезка суток в персидском языке употребляется слово *дишаб*, лексическим эквивалентом которого является словосочетание *вчера ночью*.

Другими словами, часть суток, являющаяся для русских **сегодняшним днём**, для иранцев считается **днём вчерашним**. Поэтому персидское словосочетание, которое представляет дословный эквивалент русского *сегодня ночью* (*эмшаб*), может обозначать только предшествующую (текущую) ночь (вечер). В силу этого в персидском языке в течение дня употребление глагола прошедшего времени со словосочетанием *сегодня*

ночью (*эмшаб*) невозможно. Можно представить то огромное удивление, которое появляется у иранского студента, не находящего правильного определения данного слова ни в одном русско-персидском словаре и не получившего подходящего пояснения от преподавателя. Судя по нашим изысканиям, во всех доступных нам русско-персидских и персидско-русских словарях словосочетание *сегодня ночью* переведено неправильно (*эмшаб*, а не *дишаб*).

Отсюда и заблуждения и многочисленные ошибки на занятиях при обозначении понятий, выражаемых словами *вечер* и *ночь*. Согласно распространённому среди иранских студентов представлению, слово *вечер* у русских употребляется для обозначения второй половины дня, до наступления темноты или некоторое время после этого, а *ночь* – для обозначения тёмного времени суток, начинающегося после заката солнца. Вот примеры ошибок в употреблении слов *ночь* и *вечер* и производных от них наречий:

**сегодня ночью мы пойдём к вам в гости* (!)

**вчера ночью мы ходили в кино*. (В Иране кинотеатры обычно работают не позднее 11 вечера, здесь говорящий имеет в виду *вчера вечером*)

**обычно по ночам мы вместе смотрим телевизор*.

**сегодня ночью я должен буду лечь спать очень поздно*.

**сегодня вечером в 02.30 мы улетим в Москву* (время вылета рейсов «Аэрофлота» по маршруту Тегеран – Москва). Согласно распространённому среди иранских студентов представлению, данное предложение можно произнести в любое время дня, вечера, ночи, вплоть до отъезда, поскольку в персидском языке это вполне нормально.

Правильность всех вышеприведённых высказываний с точки зрения грамматики не вызывает сомнения. Однако все они являются «ненормативными» (по Кордеру «неприемлемыми») с точки зрения узуса, речевых норм. Это служит ярким и бесспорным примером неадекватности методов, игнорирующих различные взгляды на внешний мир и функционирование языковых единиц и опирающихся, главным образом, на подачу структуры языка.

Временные несоответствия можно встретить и в применении таких многоупотребительных глаголов как *опаздывать/опоздать*. Когда русского человека спрашивают: *куда ты спешишь?*, он может ответить так: *я опаздываю (на работу, на занятия и т. д.)*, т.е. употребляется глагол настоящего времени. А в персидском языке, если человек на такой вопрос отвечает глаголом настоящего времени (*ман дир миконам*), как в русском языке, то его ответ звучит очень странно или и даже смешно. В персидском языке в такой ситуации, как правило, употребляется глагол в прошедше-настоящем времени (перфект): *ман дирам шоде*. Именно отсюда в речи иранских студентов часто слышится: *я уже опоздал*. А если русскому человеку в такой же ситуации ответят глаголом прошедшего времени, как в речи иранских студентов, то вполне вероятно, что он отреагирует следующими словами: *Если вы уже опоздали, то почему всё ещё спешите?!*

Нельзя не отметить, что, как и в предыдущем абзаце, здесь также все примеры из речи иранских студентов являются грамматически правильными, но ненормативными.

6. Различие в дистрибуции (частотности) семантически близких слов и выражений

Как было сказано выше (3.), понятие «уместности» указывает на то, что «предложение должно быть не только приемлемым, но и подходящим, т.е. **уместным** и понятным в определённом контексте» [Corder, 1973, p. 272; выделено нами. – *Ш.М.*]. Поскольку «грамматичность» высказывания представляет собой достаточно яркое понятие («соблюдение требований изучаемой синтагматики и парадигматики» [Арутюнов, 1990, с. 147]), здесь мы попытаемся объяснить, чем отличается «уместность» от понятия «приемлемость» или «нормативность» по А.Р. Арутюнову. Согласно определению, «нормативность» предполагает соответствие высказывания нормам речевых поведений носителей языка [Арутюнов, 1990, с. 147]. Она требует от изучающего иностранный язык иметь в своём распоряжении сопровождающую информацию, которая «состоит из сведений о нормах и традициях речевого общения – как принято говорить о том или ином явлении в культуре ИЯ. Эта информация не является предметом сообщения, но по ней обычно узнаём иностранца, если/когда говорим: *В беседе с... на тему... в ситуации... носитель русского языка сказал бы, написал бы иначе*» [Там же, p. 120 – 121]. Последняя фраза цитаты, на наш взгляд, наиболее ярким образом показывает, *что* имеется в виду, когда речь идёт о «нормативности» высказывания. Наш личный опыт общения также показал нам, что, когда русские говорят: *(просто) мы так не говорим*, это указывает на то, что:

1) высказывание «правильное», т.е. с точки зрения грамматики является «хорошо построенным» (well-formed);

2) высказывание носителям языка понятно, ибо русский собеседник, в большинстве случаев, не требует уточнения;

3) выраженный собеседником вариант отличается, главным образом, сочетаемостью слов и конструкций, семантически близкими словами, порядком слов и др.

Приведённые выше примеры нормативности/ненормативности (3.) мы считаем достаточными для объяснения и понимания данного понятия.

«Уместность» же высказывания определяется ситуацией. «Неуместные» высказывания представляют собой высказывания, включающие в себя скрытые ошибки [Corder, 1973, p. 272 – 273]. Они являются коммуникативно ошибочными. «Коммуникативно ошибочное высказывание может представлять собой абсолютно правильное с точки зрения языкового оформления высказывание. В этом случае правильно построенное и оформленное, оно не будет соответствовать контексту или не выразит интенции говорящего. Поскольку причина ошибки в таком случае выясняется не сразу, а лишь после тщательного анализа с привле-

чением обширного контекста, подобные ошибки названы закрытыми» [Нечаева, 1990, с. 57].

В силу сказанного, мы раскрываем собственное понимание «уместности» высказывания в следующем виде. Неуместные высказывания представляют собой

- а) грамматически правильные (хорошо построенные),
- б) нормативные (хорошо сформулированные) высказывания,
- в) которые не употребляются носителями языка в заданной ситуации.

Одним из ярких примеров ошибок в соблюдении уместности речи у иранских студентов является частое употребление слов *извините, простите*. Дело в том, что в русском языке существует целый ряд средств выражения извинения, вежливой просьбы, уточнения или привлечения внимания собеседника, прохожего и пр., например:

Вы + (отрицательная частица) не + гл. в будущем вр.:

Девушка! Вы не скажете...

Молодой человек! Вы не подскажите...

Или:

Скажите, пожалуйста! (особенно при уточнении, когда говорящий переспрашивает).

Другие формулы:

Будьте добры!

Будьте любезны!

(в общественном транспорте):

Вы (не) выходите?

Разрешите (пожалуйста), подробнее см.: [Формановская, 2002].

Несмотря на то что персидский язык, – это язык, богатый разнообразными формулировками вежливости, они редко употребляются среди незнакомых людей. Так, вместо всех упомянутых выше выражений в подобных ситуациях в персидском языке употребляется лишь слово *бэбахшин (бебахшид) = извините*. Даже если в какой-нибудь ситуации иранец намерен употребить другие формулы вежливости, он обычно начинает своё высказывание со слова *извините*. Например, при входе в кабинет, в комнату в русском языке обычно слышится лишь слово *можно* с вопросительной интонацией, а в персидском языке перед эквивалентом слова *можно* часто добавляется и *извините*: *бебахшид, эджâзе хаст?* В результате этого, когда иранские студенты как на занятиях, так и на кафедре, в коридорах пытаются говорить с преподавателями по-русски, в их речи часто слышатся такие выражения:

Извините, можно?

Извините, вы не скажете...

Извините, скажите пожалуйста...

Извините, будьте добры...

Подобные выражения, конечно, у русских вызывают удивление, ибо согласно русскому языковому этикету, употребление слова *извините* в них считается «неуместным». А согласно иранскому речевому

этикету, начать вопрос, просьбу без слова *бебахшид* = *извините* очень невежливо.

С точки зрения методики обучения иностранным языкам здесь существует категорическая необходимость подходящим способом обратить внимание учащихся на несоответствия в узусе и употреблении близких языковых единиц родного и изучаемого языков, ибо «люди, изучающие иностранный язык вне соответствующей лингвокультуры, нуждаются в осознанных стратегиях овладения принципами вежливости, которые составляют важный этап аккультурации» [Городецкая, 2008, с. 9].

Другой пример ошибочных высказываний с точки зрения «уместности», – это употребление притяжательных местоимений наряду со словами, обозначающими членов семьи и знакомых. В персидском языке, в отличие от русского, говоря о членах семьи и своих родственниках, говорящий обязательно употребляет упомянутые местоимения. Несмотря на то, что между местоимениями персидского и русского языков существенного различия (кроме, конечно, категории рода) не обнаруживается, тем не менее, частотность их употребления во многом различна. Как писал Р. Ладо: «Иногда какая-либо структура, не вызывающая особой трудности относительно значения и формы, представляет проблему только вследствие различия между двумя языками в дистрибуции» [Lado, 1957, p. 66].

Подобные ошибки, естественно, начинают возникать на подготовительных курсах, но часто сохраняются у студентов до конца учёбы. Вот пример из уроков второго курса: *Могу ли я взять с собой **своего** друга?* Очевидно, что притяжательное местоимение здесь излишнее. На занятиях по практике речи на подготовительных курсах тема «немного о себе» входит в число обязательных тем. Согласно нашим наблюдениям, все студенты без исключения, говоря о членах семьи, употребляют притяжательные местоимения:

Моя мать...

Мой брат...

Мой отец...

Преподаватели не обращают внимания на то, что в русском языке, в отличие от персидского, членов семьи, родственников называют таким образом, что употребление притяжательных местоимений не обязательно. Другими словами, в русском языке нулевая морфема в подобных выражениях выступает в качестве притяжательного местоимения: если говорят: *дочь меня попросила*, имеется в виду: ***моя** дочь меня попросила*; *брат работает на заводе*, значит: ***мой** брат работает на заводе, и т.д.* (см. пример упражнения на замену у В.Г. Костомарова, О.Д. Митрофановой, [1988, с. 31]).

Среди собранных нами ошибок встречаются ещё другие ошибки, свидетельствующие также о нарушении норм частотности языковых единиц русского языка. Данные ошибки, главным образом, касаются грамматического разряда прилагательного. В русском языке имя при-

лагательное как часть речи в значительной степени отличается от прилагательного персидского языка. В персидском языке прилагательное не обладает грамматическими категориями рода и числа. Многие прилагательные в персидском языке не имеют характерных формальных показателей, которые объективно указывают на их принадлежность к данной части речи, поэтому они легко подвергаются адвербиализации и выступают в функции различных обстоятельственных слов. Атрибутивные словосочетания в персидском языке, в сравнении с русским, менее употребительны. Отсюда и сильная тенденция среди иранских студентов строить словосочетания при помощи родительного падежа там, где в русском языке употребляются атрибутивные словосочетания. Конечно, в русском языке также есть случаи, в которых оба способа допустимы, например:

Солнечный луч – луч солнца

Морские волны – волны моря

Однако то, что имеется в виду в данном случае, – это сочетания, употребляемые в русском языке лишь в атрибутивной форме, такие как:

Каспийское море,

Персидский залив.

Оба приведённых выше примера, будучи атрибутивными в русском языке, в персидском выражаются так называемым «изафетным словосочетанием», т.е.

Море Каспия (дарйâй-е mâзандарân),

Залив Персии (халидж-е фâрс).

В соответствии с данной характеристикой персидского языка, студенты в своей речи употребляют атрибутивные словосочетания гораздо реже, чем это «уместно» в русском языке. Вот некоторые примеры:

годы школы (вместо *школьные годы*)

месяцы зимы (вместо *зимние месяцы*)

слёз счастья (имеется в виду *счастливые слёзы*)

сила работы (имеется в виду *рабочая сила*)

*завод металлургии (вместо *металлургический завод*)

*урок сегодня (!) (вместо *сегодняшний урок*)

И самый интересный, но вполне логичный, следующий пример:

2006 = *две тысячи шесть* (вместо *две тысячи шестой*). Год в персидском языке выражается не порядковыми, а количественными числительными.

7. Различия в категории числа существительных

Категория числа представляет собой одну из реализаций значительно более широкой категории квантитативности, под которой мы понимаем совокупность языковых средств, служащих выражению количественных значений [Гак, Кузнецов, 1984, с. 93]. Выражение количественных отношений в языке представляет собой универсалию. Но универсальность количественных значений не предполагает универсальных средств их выражения: в этой связи существует немало рас-

хождений между различными языками, в том числе и между русским и персидским.

Понятие множественности/единичности в персидском языке отчасти отличается от подобного понятия в русском языке. Первым, кто заметил данное явление в персидском языке, был покойный российский иранист Л.С. Пейсиков. В своей уникальной книге «Тегеранский диалект» он пишет: «В персидском языке не совсем чётко разграничивается понятие множественности и единичности имён, даже независимо от их морфологического оформления. Неоформленное имя часто выражает коллективную множественность или общее нерасчленённое родовое понятие... Так, слова *сиб* (яблоко), *морг* (птица), если нет надобности подчеркнуть множественность, могут означать наряду с «яблоко», «птица» также и «яблоки», «птицы». В этих случаях отсутствие формального морфологического выражения категории множественности восполняется различными вариантами её синтаксического выражения» [Пейсиков, 1960, с. 38 – 39]. Поэтому, когда преподаватель на занятиях спрашивает: «вопросы есть?», или «вопросов нет?», студенты начинают спрашивать друг друга: «почему вопросы?», «почему вопросов?». С другой стороны, «в персидском языке нет таких лексико-грамматических классов имён существительных, которые не могли бы образовывать формы мн. числа» [Рубинчик, 2001, с. 108]. Таким образом, в речи иранских студентов вполне возможно встретить такие слова и выражения, как **опыты жизни*, **трудные склонения/спряжения*, **много снегов*, **воды вылились*.

Некоторые типичные ошибки, в которых употреблена форма множественного числа существительных вместо правильной формы единственного числа следующие:

*белья (в значении мн. числа);

*одежды » » »

*мужчина моих мечт.

Вот примеры противоположного явления, т.е. употребления формы единственного числа вместо формы множественного числа:

*чистка ковра (как профессия, вместо ковров);

*слеза счастья (имеется в виду счастливые слёзы);

*Никакой вести (вместо Никаких вестей) не приходило.

*Иногда я хожу в поход (имеется в виду походы) в горы с друзьями.

Я с удивлением спросил этого студента: «*Разве ты не читаешь газеты?» (вместо газет)

*В праздничные дни по улице Горького не ходят машина, автобус, троллейбус (вместо машины, автобусы, троллейбусы).

*Профессор, который принимал экзамен, сказал Anne Васильевне, что у Юры большая способность. (вместо экзамены, и большие способности. Речь идёт о нескольких экзаменах);

Что ты обычно делаешь по вечерам? – **Читаю книгу*. (вместо книги);

У него интересная работа. *Часто ездит в командировку (вместо командировки);

У неё математическая способность (вместо *математические способности*);

В персидском языке, в отличие от русского, когда речь идёт о производстве, торговле, импортно-экспортных делах, перечисляемые товары/продукция ставятся в единственном числе, как показано в нижеследующем примере, являющемся, наряду с аналогичными примерами, одним из примеров наиболее устойчивых ошибок:

*Компания... предлагает ксерокс, телефон, телефакс, компьютер (вместо *ксероксы, телефоны, телефаксы, компьютеры*).

Как в приведённых, так и в других подобранных нами примерах количество такого рода ошибок весьма значительно, т.е. в персидском языке, по сравнению с русским, формы множественного числа употребляются реже. Однако одно объяснение не поможет предотвратить возникновение ошибок, допускаемых под влиянием вышеизложенного расхождения в категории числа, поскольку ещё нет единого правила, по которому можно было бы объяснить иранским студентам, где, в отличие от нормы персидского языка, употребление формы единственного числа в русском языке допустимо и где оно недопустимо. Эффективным в этом отношении является, на наш взгляд, соблюдение хорошо известного в методике обучения русскому языку как иностранному принципа: изучения лексики и морфологии на синтаксической основе.

Есть ещё более интересное явление, не относящееся к существительным, но, тем не менее, свидетельствующее о важном лингвокультурологическом расхождении между русским и персидским языками. В русском языке, говоря о своём доме, легко употребляется притяжательное местоимение единственного числа. А в персидском языке это считается крайне редким явлением. При выражении подобного факта иранцы говорят *наш дом (xâneye mâ)*. А если человек живёт один, то, по всей вероятности, передаёт этот факт следующим выражением: *xâneyi kâ man dar ân zêndegi mikonam* (дом, в котором я живу). Отсюда и трудность для иранских студентов в произнесении словосочетания *мой дом*. Если они не читают в книге, или, если не разыгрывают диалоги в аудитории, то часто предпочитают сказать/написать *наш дом*. Данное явление, на наш взгляд, можно рассмотреть как один из случаев, в которых существует «крайняя необходимость» в использовании сопоставления [Костомаров, Митрофанова, 1988, с. 46] и объяснении студентам разницы в употреблении данной конструкции.

В силу всего вышеизложенного, мы делаем заключение, что при обучении русскому языку иранских студентов чисто формальная подача лексико-грамматического материала, введение правил языка вне контекста и без указаний на функционирование вводимых языковых форм и конструкций в естественном общении, без учёта лингвокультурологических различий между русским и персидским языками, является одной из главных причин устойчивости ошибок подобного рода.

Литература

Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М.: Русский язык, 1990. 166 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С.Пушкина, 1999. 84 с.

Гак В.Г., Кузнецов С.Н. Опыт сравнительно-типологического анализа категории числа // Теория и практика обучения русскому языку иностранных студентов-филологов: сб. статей; составители: Н.А. Лобанова, А.Р. Балаян. М.: Русский язык, 1984. С. 93 – 105.

Городецкая Л.А. Межкультурная компетентность личности: экспериментальное исследование // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 9 – 17.

Костомаров В.Г., Митрофанова О. Д. Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. М.: Русский язык, 1988. 157 с.

Мошкало В.В. Персидский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 372.

Нечаева Е.В. Причины возникновения и некоторые способы устранения ошибок иностранцев, овладевающих русским языком: дис.... канд. пед. наук. М., 1990. 153 с.

Пейсигов Л.С. Тегеранский диалект. М.: Изд-во ИМО, 1960. 133 с.

Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.

Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: «Восточная литература», 2001. 600 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово/Slovo, 2008. 264 с.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

Шоджаи М. Пути и способы повышения эффективности обучения русскому языку как иностранному в Иране (начальный этап): дис.... канд. пед. наук. М., 2008. 175 с.

Brown H. D. Principles of Language Learning and Teaching. New York, 2007. – 410 p.

Corder S. Pit. Introducing Applied Linguistics. Harmondsworth, 1973. 392 p.

Lado, R. Linguistics across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers. Ann Arbor, 1957. 141 p.

Trim, J. L. M. Modern Languages in the Council of Europe 1954-1997. Strasbourg, 2007. – 60 p.

References

Arutyunov A.R. *Teoriya i praktika sozdaniya uchebnika russkogo yazyka dlya inostrantsev*. M., Russkiy yazyk, 1990, 166 p. (In Russian).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo*. M., Russkiy yazyk, 1990, 246 p. (In Russian).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *V poiskakh novykh putey razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya reche-povedencheskikh taktik*. M., Gos. in-t russkogo yazyka im. A.S.Pushkina, 1999, 84 p. (In Russian)

Gak V.G., Kuznetsov S.N. Opyt sravnitel'no-tipologicheskogo analiza kategorii chisla. *Teoriya i praktika obucheniya russkomu yazyku inostrannykh studentov-filologov: sb. statey*. Sostaviteli: N.A. Lobanova, A.R. Balayan. M., Russkiy yazyk, 1984, pp. 93-105. (In Russian)

Gorodetskaya L.A. Mezhekul'turnaya kompetentnost' lichnosti: ehksperimental'noye issledovaniye. *Vestn. Mosk. gos. un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhekul'turnaya kommunikatsiya*, 2008, no. 2, pp. 9-17. (In Russian)

Kostomarov V.G., Mitrofanova O.D. *Metodicheskoye rukovodstvo dlya prepodavateley russkogo yazyka inostrantsam*. M., Russkiy yazyk, 1988, 157 p. (In Russian).

Moshkalo V.V. Persidskii yazyk. *Lingvisticheskiy ehntsiklopedicheskiy slovar'*. Gl. redaktor V.N. Yartseva. M., Sovetskaya ehntsiklopediya, 1990, p. 372. (In Russian).

Nechayeva E.V. *Prichiny vozniknoveniya i nekotoryye sposoby ustraneniya oshibok inostrantsev, ovladevayushchikh russkim yazykom*: dis.... kand. ped. nauk. M., 1990. 153 p. (In Russian).

Peysikov L.S. *Tegeranskiy dialekt*. M., Izd-vo IMO, 1960, 133 p. (In Russian).

Prokhorov Yu.E. *Natsional'nyye sotsiokul'turnyye stereotypy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev*. M., Izd-vo LKI, 2008, 224 p. (In Russian)

Rubinchik Yu.A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka*. M., Vostochnaya literature, 2001, 600 p. (In Russian)

Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhekul'turnaya kommunikatsiya: ucheb. posobiye*. M., Slovo, 2008, 264 p. (In Russian)

Formanovskaya N.I. *Russkiy rechevoy ehtiket: normativnyy sotsiokul'turnyy kontekst*. M., Russkiy yazyk, 2002, 160 p. (In Russian).

Shmelev A.D. *Russkaya yazykovaya model' mira. Materialy k slovaryu*. M., Yazyki slavyanskoy kultury, 2002, 224 p. (In Russian).

Shodzhai M. *Puti i sposoby povysheniya ehffektivnosti obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu v Irane (nachal'nyy ehtap)*: dis.... kand. ped. nauk. M., 2008, 175 p. (In Russian)

Brown H. D. *Principles of Language Learning and Teaching*. New York, 2007. 410 p. (In English).

Corder S. Pit. *Introducing Applied Linguistics*. Harmondsworth, 1973. 392 p. (In English).

Lado R. *Linguistics across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers*. Ann Arbor, 1957. 141 p. (In English).

Trim J. L. M. *Modern Languages in the Council of Europe 1954-1997*. Strasbourg, 2007. 60 p. (In English).

Mohsen Shodzhai (Tehran, Islamic Republic of Iran)

Describing Common Errors in the Speech of Iranian Students of Russian Language from the Viewpoint of Intercultural Incompatibilities (Putting forward the Problem)

Based on the errors that many Iranian students of the Russian language make in their speech, the author demonstrates intercultural incompatibilities that cause such errors. In this relation it was focused that, although the wrongful statements are grammatically correct, they are natively and culturally «non normative» and «inappropriate». In this regard the author uses the criterion of different «distribution» rules among different languages. At the end of the article the author concludes that in teaching Russian language to the Iranian students when ignoring the cultural aspects of the language will bring stability of demonstrated errors in the speech of the students.

Key words: *linguocultural errors, culture in teaching Russian language, Russian as a foreign language, teaching Russian language in Iran, Persian language.*

Shodzhai M. – Ph. D. in Pedagogy, senior lecturer. Department of Russian language, Faculty of foreign languages, Islamic Azad University (Tehran North Branch), Bababi highway, Hakimiye, Tehran, Iran. Phone: 0098-912-348-59-08;

e-mail: m_shojaee@iau-tnb.ac.ir